

УДК 172 + 159.964.2

Богдан Данил Тагирович

студент бакалавриата 4-го курса,
Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина,
Уральский гуманитарный институт,
департамент философии, факультет философии
bogdandani21@gmail.com

Danil T. Bogdan

A fourth-year bachelor, a student
Ural Federal University (UrFU), Ural Institute of Humanities, Department of
Philosophy, Faculty of Philosophy
bogdandani21@gmail.com

**Идеология и желание:
проблема желания в структуре политического сознания**

**Ideology and desire: the problem of desire in the structure of political
consciousness**

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию аспекта политического сознания: взаимосвязи между желанием, как фундаментальной чертой человеческой природы и идеологией (биополитикой), связанной с управлением жизнью в целом. В частности, мы касаемся вопроса, в котором проблематика желания вступает во взаимодействие с идеологией. В каких условиях и каким образом решение проблемы желания становится политической проблемой? Это, в свою очередь, равносильно тому, чтобы задаться вопросом не только о том, как желание становится проблемой для идеологии и политики, но и о том, как политика трансформируется, когда сталкивается с этим вопросом. Проблема желания как элемента структуры политического сознания рассматривается через оптику французской философии второй половины XX-го века, в частности идей Ж. Лакана, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, М. Фуко. Работа выполнена при поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 19-011-31649 «Актуальная структура политического сознания: аргументы, ценности, идентичность».*

***Ключевые слова:** желание, идеология, политическое, психоанализ, дискурсивные практики, экономия желания*

***Annotation.** The article is devoted to the following aspect of political consciousness: the relationship between desire as a fundamental feature of human nature and ideology (biopolitics) related to the management of life in general. In particular, we address an issue in which the problem of desire interacts with ideology. Under what conditions and in what way does the solution to the problem of desire become a political problem? This, in turn, is tantamount to asking not only how desire becomes a problem for ideology and politics, but also how politics is transformed when faced with this question. The problem of desire as an element of*

the structure of political consciousness is considered through the optics of French philosophy of the second half of the 20th century, in particular the ideas of J. Lacan, G. Deleuze and F. Guattari, M. Foucault. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and ANO EISI, project № 19-011-31649 "Current structure of political consciousness: arguments, values, identity".

Key words: *desire, ideology, political, psychoanalysis, discursive practices, economy of desire*

Традиционно (начиная с Античности и заканчивая второй половиной XIX века) желание связывалось со всякого рода излишествами, трансгрессиями, перверсиями и фактически указывало на несовершенную человеческую природу. Соответственно, желание становилось предметом определенной заботы и определенной практики – заботы об умеренной жизни, практики контроля и управления. Из-за самой структуры или морфологии желания, с одной стороны, желание понимается как предполагающее нехватку в качестве источника своего происхождения, вызывающую «беспокойство» и подобные ему формы страдания; с другой стороны, желание ориентировано на собственное удовлетворение. Но, поскольку нехватка носит структурный характер, т.е., она не случайна или временна, а удовлетворение, в свою очередь, случайно и временно, желание всегда обречено на неисполнение. Именно поэтому человеческая природа требует определенной заботы или технологии самости, оформления жизни в самом широком духовном и терапевтическом его смысле. Данное положение конкретизировано Ж. Лаканом в его концепции дискурса.

На основании идей З. Фрейда, концепции речи Ф. де Соссюра и диалектики раба и господина, представленной Г.В.Ф. Гегелем в Феноменологии духа и развитой А. Кожевом, Лакан разрабатывает теорию четырёх дискурсов, регулирующих интересующие отношения. Дискурс, согласно Лакану, есть необходимая структура, выходящая за пределы речи, которая носит случайный, ситуативный характер. Дискурс, по выражению Лакана, может обходиться без слов, поскольку он сохраняется в определенного рода базовых отношениях, поддерживаемых языком как инструментом построения некоторых постоянных связей, внутри которых может быть вписано выходящее за границы фактических актов высказывания (поведение, действия и т.д., вписанные в рамки определенных изначальных содержаний). «Дискурсы, о которых идет речь, суть не что иное, как означающая артикуляция, инструментарий, чье присутствие, чей наличный статус, подчиняют себе любые укладываемые в него слова. Это дискурс без речи - речь приходит потом» [3, с.210]. Структурированный дискурс накладывает условия на всякую символическую деятельность человека (например, речь), которая в его рамках может возникнуть. Основопологающие отношения в структуре дискурса – отношения одного означающего к другому. В концепции Лакана означающее, в отличие от знака, представляет субъект для другого означающего как представитель. Субъект возникает, по выражению Лакана, посредством отношения означающего как представителя субъекта перед другим означающим. Сам

субъект определяется Лаканом не как индивид, но как специфическая черта (место, мета), принадлежащая к разряду вводимого субъектом имени знания – наслаждения (от) Другого, поля Другого, возникающего в качестве результата вмешательства означающего. Все означающие эквивалентны, поскольку каждое из них, будучи самим собой, характеризуется своим отличием от другого. Именно поэтому занять место господствующего означающего (по определению Лакана, артикулированного заранее на языке им предписанной практики) способно каждое из них, так как каждое из них может, при случае, представлять субъекта перед любым другим.

Субъект, которого означающее представляет, неоднозначен: он представлен и не представлен. Стоит S1 (означающее, определяющее дискурс) вступить в уже сложившееся поле других означающих, артикулированных друг через друга, когда в результате «вмешательства в систему, этого предстояния другому», возникает S, расщепленный субъект. Итогом этого процесса оказывается потеря, утрата, которую обозначает объект а, понимаемый Лаканом как прибавочное наслаждение. «Однажды возникнув S1, в первом такте, повторяется подле S2, выступающим как его основание. В результате вступления их во взаимодействие возникает субъект, который оказывается чем-то представлен, некоей утратой, – утратой, понимание двусмысленности которой стоило затраченного нами усилия к постижению смысла» [3, с.18]. Таким образом, субъект есть провал, пустота между означающими S1 и S2.

Разговор о наслаждении предусматривает связывание его [наслаждения] с появлением означающего. Всякий дискурс, который по определению возникает из желания, отсылает к предмету господства. Наслаждение непрерывно затрагивает дискурс, поскольку он [дискурс] возник из него [наслаждения]: возвращение к истокам снова пробуждает желание. Согласно Лакану, идея возможности цельного знания имманентна политике как таковой. «В политику войти нельзя, не признав, что не существует дискурса - не только аналитического - где речь не шла бы о наслаждении - по меньшей мере тогда, когда ожидают от него работы, работы истины» [3, с.97].

Дискурс господина является ведущим из представленных Лаканом, поскольку именно в его структуре представлено отношение человека на уровне политического существования. Структура дискурса господина следующая: S1 – это означающее, функция означающего (область господина), когда S2 – знание (область раба). Раб, которому принадлежит умение, обозначается как носитель знания, господин же похищает, отбирает, изымает знание (теоретическое). «Прежде чем судить о том, знает ли себя знание, можно ли положить в основу понятия о субъекте перспективу знания, вполне прозрачного для себя самого, необходимо прежде уметь исчерпать регистр того, что с самого начала выступает именно как умение» [3, с.21]. В дискурсе господина субъект связан с господствующим означающим, когда погружение в наслаждение есть удел знания.

Дискурс господина начинается с возобладанием субъекта, стремящегося найти самого себя в отождествлении с его собственным означающим, отождествлением по сути своей мифическим, редуцированным. Дискурс

Гегеля, по мнению Лакана, есть дискурс господина, где место господина занимает государство, претендующее на абсолютное знание в силу господствующей позиции.

Подытожим. Означающее представляет субъекта при другом означающем – сущностное наполнение операции повторения, выходящего за пределы структуры дискурса. Основанием повторения как возврата наслаждения является утрата. Знание является средством наслаждения, выводящее за пределы принципа удовольствия, однако само знание носит энтропийный характер, поскольку на месте утраты, вызванной повторением возникает функция утраченного субъекта – объекта а. Повторение связывается с наслаждением как пределом знания. Понятие инстинкта, понимаемый как знание, о содержании которого сказать ничего нельзя, хотя результатом его считается возможность поддержания жизни, уточняет само положение знания. Знание есть то, благодаря чему, жизнь (как совокупность сил, сопротивляющихся смерти) не заходит в своем стремлении к наслаждению (=стремление к смерти) за определенный предел. Желание индивида есть желание Другого, занимающего место вытесненного знания.

Проблематику нехватки уточняют Ж. Делёз и Ф. Гваттари, предлагая отличное от традиционного понимание желания. Желание понимается ими не как идея (желание-в-себе), субъективная надстройка (скрытая или явная), но как производство, работу «желающих машин». «Желание является совокупностью пассивных синтезов, которые прорабатывают частичные объекты, потоки и тела, которые функционируют в качестве производственных единиц. Из них вытекает реальное, оно есть результат пассивных синтезов желания как самопроизводства бессознательного. Желание ни в чем не испытывает нехватки, ему не испытать нехватки в своем объекте. Скорее именно субъект не достигает желания или же в желании отсутствует постоянный субъект: постоянный субъект бывает лишь благодаря подавлению. Желание и его объект составляют одно целое, это машина как машина машины. Желание — это машина, и объект желания — это подсоединенная машина, так что произведенное выбирается из производства, причем что-то отделяется от производства произведенному, которое отдаст остаток кочевому и бродячему субъекту. Объективное бытие желания — это само Реальное» [1; 49-50]. Потребности проистекают из желания, являясь контр-продуктами в реальном, произведенном желанием. Нехватка, таким образом, понимается как противодействие желания, она выстраивается, укрепляется и обособляется в природном и социальном реальном. Желание всегда удерживается вблизи от условий объективного существования, оно прилегает к ним и следует за ними, не сохраняется без них, смещается с ними — вот почему оно так легко становится желанием смерти, тогда как потребность определяет удаленность субъекта, который потерял желание, теряя пассивный синтез своих условий. Всякое желающее производство уже само по себе непосредственно является потреблением и прожиганием, «наслаждением», но оно еще не является таковым для определенного субъекта, который может выделиться лишь через дизъюнкции поверхности регистрации, в остатках каждого разделения.

Субъект, в свою очередь, определяется авторами как номадическая сингулярность, не имеющая фиксированной идентичности, скользящая по поверхности «тела без органов», понимаемого как имманентная субстанция, пространство регистрации движения/производства желания: субъект есть не суверенное начало, но элемент, вызванный эффект машинного производства.

Теперь вопросы заключаются в следующем: Каково место желания в современной идеологии и политике? Остается ли желание предметом заботы или задействует другие технологии? М. Фуко отмечает решающее преобразование, которое начало происходить в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого века. Во-первых, это создание нового объекта, а именно сексуальности, которое совпало с появлением нового дискурса и новой формы власти, осуществляемой как над телом, так и над разумом. Во-вторых, преобразование смысла и роли самого желания, которое началось примерно в то же время, но в двадцатом веке пережило значительную радикализацию. Это преобразование, в целом, можно назвать новым режимом желания [4]. Из объекта господства и управления желание становится необходимым механизмом и средством управления. Традиционный аскетический режим желания радикально трансформировался: до сих пор человек управлял собой, вопреки своим желаниям, отныне он управляет собой ради, во имя своих желаний. Желание возрождается как естественное и жизненно важное человеческое свойство. Оно становится самоцелью. Примечательно то, что это возрождение сопровождается глубоким преобразованием самой идеологии, власти, объектом суверенности которой является не государство, а индивид. Согласно мысли Фуко, власть понимается как система отношений, предполагающих воздействие на других, являет собой процедуру индивидуализации, субъективации. Власть не являет собой некий трансцендентный план, Закон, исходящие из пространства трансцендентного воздействия: властные отношения, укоренённые в социальном, стоит понимать как множественно реализуемые действия (в том числе и речь как процедура генерирования высказываний), предполагающий ответ-результат. Субъект, таким образом, предстаёт как вызванный эффект, следствие осуществления власти (механизма, предшествующего самому субъекту) к соматической единичности, телу, возникающий в узловых точках сообщения, точках разницы потенциалов на фоне властной сети как линий особого рода коммуникации [4].

Пространство, в котором реабилитированное желание существует и выражает суверенитет, является рынок. Соответственно, формой знания этого реабилитированного желания выступает политическая экономия. Желание интегрируется в экономическую систему. В связи с этим, изменяется и структура дискурса как типа социальных отношений. Различие между классическим дискурсом господина и дискурсом господина общества в состоянии капитализма обусловлено изменением места знания. Лакан говорит о капитализации дискурса господина, которая заключается в исчислении избыточного наслаждения – присовокупления прибавочной стоимости к капиталу: «...избыто(чно)е наслаждение уже не является избыт(очн)ым наслаждением, а получает просто-напросто форму стоимости, которую нужно

прибавлять или вычитать из общей суммы накоплений - накоплений, природа которых претерпела существенные изменения» [3, с.100]. Выражаясь в терминологии, предложенной Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, можно сказать, что, в противоположность предшествующим общественным машинам, капиталистическая машина сама по себе не способна предложить код, который покрывал бы всю совокупность общественного поля; капитализм стремится к порогу раскодирования, который демонтирует общество в пользу тела без органов, который, оставаясь на этом теле, освобождает потоки желания в детерриторизованном поле. Согласно Делёзу и Гваттари, человеческая сущность природы и природная сущность человека отождествляются в природе как производстве или промышленности, которая отныне берется не во внешнем отношении полезности, а в своем фундаментальном тождестве с природой как производством человека и человеком-производителем.

Как это ни парадоксально, мы приходим к ситуации, которая является полной противоположностью традиционной. Таким образом, возникает вопрос о том, в какой степени рыночная экономика и политический/идеологический дискурс последних нескольких десятилетий решает проблему желания? Когда желание становится самоцелью (бесконечный рост, безграничное завоевание и создание новых рынков, инвазивное потребление и т.д.), пространство, отделяющее жизнь от потребления, все труднее определить. «Смысл общества потребления заключается в том, что так называемому «человеческому», в кавычках, элементу соответствует в нем однородный элемент прибавочного наслаждения, неважно какого, представляющего собой продукт промышленного производства - одним словом, наслаждения липового» [3, с.100]. Согласно мысли Делёза и Гваттари, нехватка выстраивается, организуется в социальном производстве, контр-производится инстанцией антипроизводства, накладывающейся на производительные силы и присваивающей их; производство никогда не организуется в зависимости от некоей предшествующей нехватки, наоборот, это нехватка начинает выстраиваться, обособляться и распространяться в соответствии с организацией предшествующего производства. Практика пустоты в виде рыночной экономики — организация нехватки в изобилии производства, подталкивание желания к страху нехватки, в следствии чего объект становится зависимым от реального производства, которое предполагается внешним желанию (требования рациональности), тогда как производство желания переходит в фантазм (и только в фантазм) [1, с.52].

Система, которая интегрирует в собственное пространство все внешнее, становится катастрофической. Эта система постоянно нуждается в изобретении новых механизмов увековечивания себя, механизмов, которые стремятся захватить, присвоить, приручить, направить индивидов как участников общественных отношений. С точки зрения М. Фуко, в любом обществе производство дискурса осуществляется посредством контроля, селекции, организации и перераспределения посредством различных процедур и операций, нейтрализующих его [дискурса] властные полномочия и связанные с ним опасности. Дисциплина, таким образом, выступает как принцип контроля

над производством дискурса, устанавливающий его границы посредством игры идентичностей в форме постоянной реактуализации правил.

В то же время, возникает вопрос, не приводит ли к тому же тупику постоянные инвестиции желания, которые по определению (т.е. структурно) неисполняемы? Парадоксальность ситуации состоит в том, что желание в одно и то же время оказывается условием возможности и невозможности существующей социально-экономической системы. Теория «желающего производства» является концептуальным описанием не только психических процессов, но и самого социального производства [2, с.104-105] Делёз и Гваттари утверждают, что между общественным производством реальности и желающим производством фантазма могли бы установиться только вторичные связи интроекции и проекции (как, если бы общественные практики дублировались ментальными интериоризированными практиками или как, если бы ментальные практики проецировались в общественные системы, причем ни те, ни другие никак не касались бы друг друга), однако:

- общественное производство является исключительно самим желающим производством в определенных условиях;

- само общественное поле прорабатывается желанием, является его исторически определенным продуктом;

- либидо не нужны опосредование, сублимация, физическая операция или трансформация для инвестирования производительных сил и производственных отношений, поскольку существует только желание и общественное, и ничего другого.

Фантазм есть всегда групповой фантазм, неотделимый от артикуляций означающих, определяющих поле социального в качестве реального, когда индивидуальный фантазм схватывает его [социальное] в качестве воображаемого, обладающего трансцендентным характером [1, с.102]. «Воображаемое измерение индивидуального фантазма имеет решающее значение для влечения к смерти, поскольку бессмертие, которым наделен существующий общественный порядок, вызывает в Эго всевозможные репрессивные инвестирования, явления идентификации, «выработки Сверх-Я» и кастрации, все желания-смирения (стать генералом, малым, средним или крупным чином), включая смирение со смертью на службе этого порядка, тогда как само влечение проецируется вовне и направляется на других (смерть иноземцу, тем, кто не из наших!)» [1, с.102-103]. Согласно мысли Делёза и Гваттари, двойственность фантазмов (индивидуальное – групповое) связана либо с тем, что желающие машины увязают в формируемых ими больших стадных массах, либо с тем, что общественные машины соотносятся с элементарными силами желания, которые их образуют. Может случиться, что в групповом фантазме либидо будет инвестировать существующее общественное поле, включая и его наиболее репрессивные формы; или же, напротив, оно может действовать путем контр-инвестирования, подключая к существующему общественному полю революционное желание.

Дискурс связан с интересами субъекта (иначе говоря, экономии в идеях К. Маркса). В этом смысле желание обозначает предел экономического принципа

как самоограничения экономики, который указывает на значении всей жизни субъекта, выходящую за рамки значения жизни как выживания. Проблема экономики неограниченного роста заключается в том, что она рассматривает желания как потребности, и, таким образом, не видит специфику жизни как жизни суверенной. «Суверен – это единственный, кто способен на свободный поступок, если понимать под свободным поступком поступок, который можно назвать произвольным, согласившись на том, что произвольный означает не продиктованный никакой необходимостью» [3, с.45]. Сфера потребностей является предметом экономики, а жизнь как суверенная жизнь, или как желание, выходит за рамки идеологии рынка.

Против экономики, которая ставит вопрос о способах производства и накопления и соответственно строит свою рациональность, трансформируя желания в потребности, необходимо признать существование формы желания, которое связано с избытком жизненной энергии. Отсюда следует, что механизмы производства и обмена подчинены другой экономии желания, в рамках которой вопрос о человеческом существовании, желании и удовлетворении (точнее, наслаждении), а также социальном аспекте существования «желающего» человека начинает приобретать другой смысл.

Таким образом, признание желания одной из составных частей субъектности, как таковой, приводит к осознанию сложности и гетерогенности политического сознания, а также открывает возможности для иной оптики рассмотрения проблемы его [сознания] не-системности, «гибридности», поскольку сама политика как сфера существования человека оказывается связанной с желанием как традиционно исключаемой из политического дискурса категорией, формирующей его и, в то же время, им [дискурсом] сформированной.

Литература:

1. Делёз Ж. *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения* / Жиль Делёз, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. — Екатеринбург: У-Фактория, 2008. — 672 с. — (Philosophy);
2. Дьяков А. В. *Феликс Гваттари, философ трансверсальности*. — СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2012. — 592 с.;
3. Лакан Ж. *Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969-70))*. Пер. с фр. / А. Черноглазова. М.: Издательство "Гнозис", Издательство "Логос". 2008. — 272 с.
4. Фуко Мишель. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. Пер. с франц.— М., Касталь, 1996. — 448 с.

Literature:

1. Delez G. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia* / Gilles Delez, Felix Guattari; French-language and post French-language. D. Kralechkina; scientific editor V. V. Smith. Yekaterinburg: U-Faktoria, 2008. 672 p.
2. D'yakov A. V. *Felix Guattari, philosopher of transversality*. — SPb.: Publishing house «Vladimir Dal'», 2012, 592 p.

3. *Lacan J. Underside of psychoanalysis (Seminar, Book XVII (1969-70)). Translation from French / A. Chernoglazova. Moscow: Gnosis Publishing House, Logos Publishing House. 2008. 272 p.*

4. *Foucault M. The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years. Translation from French — M., Castal, 1996. 448 p.*